

Изъ преданій и легендъ Кадниковскаго уѣзда, Вологодской губерніи.

1. Преподобный Діонисій, основатель Глушицкаго монастыря въ Кадниковскомъ уѣздѣ, построилъ, кромѣ нѣсколькихъ обителей, три приходскія церкви, одна изъ которыхъ Троицко-Двиницкая находится въ Двиницкой волости Кадниковскаго уѣзда. Въ этой же Двиницкой волости находится, верстахъ въ полтора отъ церкви, въ полѣ крестьянъ деревни Шадрина, часовня, у часовни колодезь, затѣмъ на волоку (въ лѣсу) вблизи Вологодско-Архангельской большой дороги, верстахъ въ 12—13 отъ гор. Кадникова, есть деревянный крестъ. Крестъ, по преданію, водруженъ преподобнымъ, когда онъ шелъ изъ Глушицы на мѣстѣ его молитвы. Крестьянами ближайшихъ деревень на этомъ мѣстѣ постоянно старый, свалившійся крестъ замѣняется новымъ.

Пришелъ преподобный на Двиницу и, не спросивъ крестьянъ ближайшихъ деревень, желаютъ они или нѣтъ имѣть монастырь, приступилъ къ постройкѣ его на понравившемся ему мѣстѣ. Выкопавъ собственноручно колодезь, преподобный принялся рубить лѣсъ и строить обитель. Но хозяинъ (Лукьяновъ—за вѣрность фамиліи не ручаюсь), на чьей землѣ строилась обитель, не желалъ уступить землю преподобному и ночью ломалъ все выстроенное за день преподобнымъ. Три дня принимался строить преподобный, и три раза у него Лукьяновъ ломалъ. Разсердился преподобный и проклялъ Лукьянова, говоря что онъ, Лукьяновъ, будетъ жить бѣдно и весь его родъ будетъ вѣчно нуждаться.

Окрестные крестьяне, узнавъ о намѣреніи св. Діонисія построить обитель, собрались и уговорили преподобнаго построить имъ не монастырь, а приходскую церковь. Лукьяновъ же или его сыновья, вѣдя, какъ все ихъ богатство мало-по-малу уходитъ, чтобы умилостивить пре-

подобнаго, построили на мѣстѣ его работы у колодца часовню. Каждый годъ въ день памяти прендобнаго Діонисія Глушицкаго чудотворца (1 іюня) причтъ Двиницкой церкви съ иконами идетъ въ часовню и служить молебень. Многіе крестьяне еще съ вечера наканунѣ молебствія собираются въ часовню и всю ночь проводятъ въ молитвѣ.

Потомки Лукьянова бѣдствуютъ и до сей поры. По увѣренію крестьянъ, не смотря на то, что владѣніе черезполосное, у нихъ хлѣбъ родится гораздо лучше, чѣмъ на полосахъ Лукьяновыхъ. (Двиницкая волость).

2. Былъ на землѣ только Богъ и дьяволъ. Богъ сотворилъ человѣка—и дьяволъ попробовалъ сотворить, но сотворилъ не человѣка, а чорта, и какъ онъ ни старался, ни трудился, все же не могъ сотворить человѣка, все у него выходили черти. Богъ увидалъ, что дьяволъ уже сотворилъ нѣсколькихъ чертей, разсердился на дьявола и велѣлъ Архангелу Гавріилу (старшему изъ всѣхъ ангеловъ) свергнуть ихъ (сатану и всю нечистую силу) съ неба. Гавріилъ свергнулъ. Кто упалъ въ лѣсъ сталь—лѣшій, кто въ воду—водиной, кто на домъ доновой, «кормилецъ».

(Двиницкая волость).

3. Вотъ какая существуетъ легенда, почему сарыча зовутъ *канюкомъ*.

Всѣмъ птицамъ и звѣрямъ Богъ, по сотвореніи земли, велѣлъ копать въ землѣ углубленія для воды. Всѣ птицы послушались, только одинъ канюкъ, боясь замарать о землю свои красивые ноги, ослушался повелѣнія Божія. Богъ за это ослушаніе повелѣлъ ему пить воду только съ листьевъ деревьевъ, когда они бываютъ влажны послѣ дождя и росы, а не изъ рѣкъ, ручьевъ, лужъ и т. п. водоемовъ.

Канюку во-первыхъ трудно такъ пить, а во-вторыхъ и не всегда древесныя листья бываютъ влажны, поэтому канюкъ часто «жаждетъ» и постоянно проситъ у Бога дождя. Не нужно забывать, что существуетъ народное слово: „канючить“ т. е. ханжить, усиленно просить¹⁾.

(Больш. мургинская волость).

4. Никогда не слѣдуетъ клясть другихъ.—Давно, очень давно былъ такой случай. Въ одномъ селѣ жила вдова съ сыномъ. Однажды въ Христовскую (пасхальную) заутреню мать съ сыномъ не пошли въ церковь. Мать обрижалась—творогъ дѣлала. Вышла она зачѣмъ-то изъ избы, какъ сынъ схватилъ ложку и хлебнулъ раза два-три творогу. Увидѣла мать, что сынъ ѣлъ, и давай его ругать. Какъ же можно оскоромиться, когда еще православные не пришли изъ церкви,—грѣхъ! Всяко она ругала сына и «будь ты проклятъ», и «пропади ты пронадомъ», и «унеси тебя нечистый», всяко, всяко ругала. Изругала сына да и пошла его посмотрѣть, есть ли у скотинки коркъ. Ушелъ сынъ изъ избы,

1) Срв. сходное польское повѣрье, выражающееся въ пословицѣ: „Pragnie, jak kania dżdzu“ (См. *Samuel Adalberg*: „Księga przysłów“ etc. Warszawa, 1894, стр. 432). Пословица объяснена *K. Wojcicki*’мъ („Przysłowia narodowe“, t. II. Warsz. 1830, p. 251) и *Const. Wurzbach*’омъ (Die Sprichwörter der Polen historisch erläutert“. Wien, 2 Ausg., 1852, p. 211, съ указаніемъ на греч. писателя схоластика *Joh. Tzetzes*’а). *Ред.*

да и пѣть его, нѣтъ и нѣтъ. Пождала, пождала и пошла за нимъ. Пришла въ хлѣвъ—его нѣтъ; сходила къ сосѣдямъ—вездѣ заперто, все еще не возвратились православные изъ храма Божіи. Такъ сынъ у нея и сгинула, пропала.

Прошло много времени. Приходить въ деревню отставной солдатикъ и просится поченать. Нигдѣ его не пустяи, не пустяи и вдова; указала она солдатикѣ пустой, нежилой домъ. Обрадовался и этому служивый, — все не подъ дождемъ проведетъ ночь. Легъ онъ спать, и только сталъ засыпать, какъ изъ «гоубца» выбѣжала цѣлая гурьба ребятишекъ и всѣ плачутъ, а одинъ таково «яственно» выговариваетъ, что его прокляла мать въ Христовскую заутреню. Какъ стало бить въ церкви полночь, всѣ ребятишки вновь убѣжали къ гоубцу. Пришелъ на утро солдатъ въ село и рассказалъ, что видѣлъ онъ за ночь. Сходили мужики всѣмъ міромъ въ избу, обшарили всѣ ея углы, но ничего не нашли. «Есть у тебя три непочатыхъ конца (куска) холста?» — спросилъ солдатъ вдову и на утвердительный ея отвѣтъ сказалъ: «Какъ начнетъ смеркаться, такъ и ступай съ концами въ избу, лягъ на печь, да тихо лежи. Выскочатъ ребятишки, ты заприимъ, который будетъ причитать, что его прокляла мать въ Христовскую заутреню, слѣзь потихоньку съ печи да и обмотай его холстомъ».

Такъ вдова и поступила. Взяла она три непочатыхъ конца холста и, когда начало смеркаться, пошла въ избу. Легла на печь. Лежитъ тихо, чуть дышитъ. Вышли изъ «гоубца» мальчики и плачутъ, а одинъ все причитаетъ, что его прокляла мать въ Христовскую заутреню. Сошла тихонько вдова съ печи и обмотала вокругъ него весь холстъ. Какъ стало въ церкви бить полночь, всѣ ребятишки побѣжали, а онъ не можетъ; подскочили они къ нему и сразу разорвали холстъ и всѣ убѣжали. Пришла вдова къ солдату и рассказала все, что случилось за ночь. «А есть у тебя шелковое подвѣсное платье?» — «Есть». — «Вотъ ужъ его не разорвутъ». Какъ стало опять смеркаться, вдова взяла свое подвѣсное платье и пошла въ избу. Какъ прибѣжали опять мальчуганы, она сошла съ печи и обмотала шелковымъ подвѣснымъ платьемъ того мальчика, который все причиталъ, что его прокляла мать въ Христовскую заутреню. Какъ стало бить полночь, всѣ мальчуганы побѣжали, одинъ только обмотанный платьемъ не можетъ бѣжать. Подбѣжали къ нему мальчики и хотѣли разорвать, но, какъ ни рвали, не могли разорвать шелковаго подвѣснаго платья. Такъ они и убѣжали въ гоубецъ, оставивъ его на полу. Сошла вдова съ печи, взяла на руки мальчика и принесла домой. Размотала платье и видитъ, что ея сынъ спитъ; перекрестила его и спать легла. Такъ съ той поры вдова съ сыномъ и жила.

Но это давно было, давно.

(Пельшемская волость).

Сообщилъ Прок. Дилакторскій.